

Если лицом совершено преступление, посягающее сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны (например, при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 339 УК Республики Беларусь, наряду с общественным порядком также и на здоровье или собственность гражданина), освобождение обвиняемого от уголовной ответственности по ст. 89 УК Республики Беларусь не исключается. Однако суду при решении вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности следует в целях обеспечения защиты интересов как потерпевшего, так и государства и общества учитывать общественную опасность последствий, наступивших для каждого объекта преступного посягательства [3, с. 457—458]. Однако, как показывает анализ судебной практики, суды в данном случае предпочитают применять ст. 86 УК Республики Беларусь, освобождая обвиняемого от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности.

Также следует помнить, что суд вправе, но не обязан освободить виновного от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Решающее значение должна иметь убежденность суда в том, что примирение является результатом чистосердечного раскаяния виновного, возмещения им причиненного вреда, что свидетельствует о невозможности повторения асоциального поведения со стороны виновного [4, с. 564]. При этом суд может принять такое решение в любой момент судебного разбирательства до удаления в совещательную комнату для постановления приговора [3, с. 458].

Заключение. Существуют значимые противоречия между положениями, закрепленными в уголовном кодексе и постановлении, с одной стороны, и уголовно-процессуальным кодексом — с другой. Тем не менее, как справедливо отмечает Э. А. Саркисова, установленные уголовно-процессуальными нормами ограничения не должны быть препятствием для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со ст. 89 УК Республики Беларусь, поскольку данной статьей возможность применения такого вида освобождения от уголовной ответственности не ограничивается лишь делами частного обвинения, производство по которым по указанному основанию подлежит прекращению в обязательном порядке [3, с. 458].

Наличие данных противоречий в законодательстве, как правильно замечает Л. Л. Зайцева, негативно влияет на частоту применения п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь, существенно ограничивая права сторон и возможности органов уголовного преследования и суда в выборе альтернативных способов разрешения конфликтов [1, с. 73].

Список источников

1. Зайцева, Л. Л. Примирение с потерпевшим — альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта / Л. Л. Зайцева // Судовы веснік. — 2011. — № 3. — С. 71—77.
2. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 // Верховный Суд Республики Беларусь. — 2016. — Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html. — Дата доступа: 19. 12. 2016.
3. Саркисова, Э. А. Уголовное право : учебник / Э. А. Саркисова ; Акад. МВД Респ. Беларусь. — Минск : Акад. МВД, 2014. — 559 с.
4. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. — 688 с.

УДК 343.721

О. Ю. Федорова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Введение. С введением в УК РФ статьи о мошенничестве в сфере кредитования изменилась криминологическая ситуация, которая сложилась в этой области мошенничества. Ведь велико значение изучения не только субъекта преступления, но и личности преступника, так как преступление является актом человеческого поведения и зависит от его сугубо субъективных качеств, что в свою очередь вызывает множество проблем для дальнейшей квалификации преступного деяния [1, с. 80].

Основная часть. В литературе по уголовному праву зачастую понимание личности преступника происходит через отрицательные качества и свойства. Многие авторы считают, что лишь противопоставление социальных свойств и качеств личности сможет ответить на вопрос, кто совершил преступление, оценить этот поступок и лицо, его совершившее.

К основным социально-демографическим характеристикам личности преступника, который совершает мошенничество в сфере кредитования, имеющим значение для понимания механизма совершения преступления, относятся:

а) пол — преступниками являются преимущественно лица мужского пола (их удельный вес в 2015 году среди всех выявленных преступников составил 57,9% [2], женского пола — 42,1%). Относительно высокие показатели криминальной активности женщин в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ, обусловлены, в первую очередь, спецификой самой сферы кредитования, где большую часть работников банковских и иных кредитных учреждений составляют женщины;

б) возраст — преимущественно от 30 до 55 лет, что говорит об особом жизненном и преступном опыте. Многие авторы нижний предел определяют 25 годами [3, с. 206];

в) образование — в основном это лица, которые имеют высшее или среднее профессиональное образование, что свидетельствует о высоком интеллекте преступников, высокой социальной приспособленности, финансово-правовой грамотности, особенно применительно к работникам банковских и иных кредитных учреждений, которые являются соучастниками мошеннических действий, поскольку злоумышленники тщательно планируют свою преступную деятельность, разрабатывая каждый раз новые схемы совершения мошеннических действий и способы ухода от уголовной и гражданско-правовой ответственности;

г) семейное положение — как правило, большая часть преступников на момент совершения преступления состоит в браке и имеет детей, большинство из которых являются несовершеннолетними, что свидетельствует о том, что сама мотивация совершения таких мошенничеств отличается от иных преступлений в сфере экономики, поскольку для преступников рассматриваемой категории преступление является средством улучшения своего собственного материального положения и семьи в целом. И, следовательно, семья не удерживает мошенника от совершения противоправных деяний, а, наоборот, фактически выступает детерминирующим фактором его совершения.

В отличие от основного состава мошенничества, здесь законодатель оговаривает способ мошеннического завладения чужими деньгами очень узко: только как обман банка или иного кредитора посредством сообщения им не соответствующих действительности сведений. При этом эти сведения могут быть: 1) заведомо ложными, 2) недостоверными.

В чем разница между заведомо ложными и недостоверными сведениями, уяснить не представляется возможным. Можно было бы предположить, что ложные сведения связаны с активным обманом, а недостоверные — с умолчанием об истине. Ввиду этого следует отметить, что возможность совершения мошенничества во многом связана с отсутствием должного уровня проверки личности заемщика, в том числе его платежеспособности. В погоне за клиентом банки создают наиболее благоприятные и комфортные условия для оформления займа, например, уменьшают срок на рассмотрение заявки [4, с. 13].

Банки стараются как можно скорее вынести свое решение по кредиту, чтобы не потерять заемщика. В итоге служба безопасности лишь поверхностно знакомится с клиентом и его документами, что и приводит к возможности действия мошенников.

Причем в действующем законодательстве отсутствует легальное определение данного лица, поэтому придется обратиться к словарю экономических терминов: «лицо, получившее кредит, займ, принимающее на себя обязательства, гарантирующее возвращение полученных средств, оплату полученного кредита» [5]. Из данного определения можно сделать вывод о том, что заемщиком может быть только лицо, которое уже получило кредит. В рамках уголовного закона это говорит о том, что в данном преступлении фактически исключается покушение на него, так как непосредственно до получения кредита лицо еще не будет являться заемщиком, и, соответственно, не будет образован состав преступления.

В научной литературе справедливо отмечается, что мошенничество в сфере кредитования в основном совершается группами лиц [6, с. 26]. Это подтверждается результатами проведенного обобщения судебной следственной практики, в результате которого установлено, что 84% изученных преступлений такого рода совершено группами. Большинство из них объединяло 3-4 участника.

Среди названных групп следует выделить объединения, возглавляемые руководителями банков, филиалов, подразделений. В такие группы часто входят главные бухгалтеры, члены правления и руководители служб (кредитного отдела, безопасности и пр.). В некоторых из них участвуют руководители сторонних организаций, властных структур [7, с. 124—127].

Лидирующее положение в этих группах занимают руководители банков, филиалов, подразделений. Около 48% таких субъектов находились в возрасте 50—65 лет, имели высшее экономическое либо финансовое образование, стаж работы в банковской сфере — от 10 до 25 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что около 22% субъектов этой группы составляли женщины.

Субъекты анализируемого типа отличаются консервативностью при выборе и реализации способов мошенничества, не склонны к изменениям избранного механизма посягательства, в качестве соучастников предпочитают привлекать родственников. На должности руководителей банков многие из них пришли, имея опыт управленческой деятельности в политических и общественных организациях, крупных промышленных предприятиях и в сфере образования. Они отличаются наличием обширных связей, высоким интеллектуальным уровнем и развитыми умениями профессионального взаимодействия.

Наконец, существует мнение о том, что чуть больше четверти руководителей, возглавляющих указанные преступные группы, это молодые люди в возрасте 20—35 лет, в основном занимающие посты управляющих. Значительная часть из них являются родственниками вышестоящих руководителей, характеризуются агрессивностью, корыстолюбием, наличием развитых антиобщественных установок [3, с. 209]. При

осуществлении своих полномочий они нередко вступают в конфликты с подчиненными, разрешают возникшие противоречия с помощью административно-командных методов.

Подавляющее большинство лиц, совершающих подобные мошенничества, в целом характеризуются положительно. Как правило, лишь небольшой процент от общего числа лиц, совершивших мошенничество, связанного с получением кредита в банке, имели отрицательные характеристики, и то после совершения преступления.

При этом зачастую отсутствует информация о причастности к преступлениям лиц, склонных к алкоголизму и наркомании, либо страдающих теми или иными видами психических расстройств.

Финансовые институты не прилагают достаточных усилий для защиты от нечистых на руку сотрудников. Это характерно для всего мирового сообщества. В докладе Ernst & Young, составленном на базе опроса 100 немецких финансовых институтов, отмечается, что проблемой мошенничества в рядах своих собственных работников серьезно занимаются лишь 37% банков. Наиболее притягательными для мошенников являются подразделения для торговли ценными бумагами (61% опрошенных) и банковская розница (56%). При этом 29% респондентов считают, что за последние годы риски мошенничества возросли [8].

Заключение. Сведения о свойствах личности субъекта кредитных мошенничеств являются важным элементом характеристики данного вида преступлений, а проблемы в отсутствии законодательного определения субъекта данного состава позволяют сделать вывод о том, что законодательство требует изменений, а правоприменительная практика остается несовершенной и требует доработки. На наш взгляд, необходимо создать эффективный организационно-правовой механизм регулирования финансово-кредитного сектора экономики, который позволил бы кредиторам использовать на законных основаниях различные средства защиты от мошенничеств.

Список источников

1. Криминология : учеб. для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юстицинформ, 2011. — 86 с.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>. — Дата доступа: 17.11.2016.
3. Данилов, Д. А. Мошенничество в кредитно-банковской сфере / Д. А. Данилов // Пробелы в рос. законодательстве. — 2014. — № 1. — С. 206—209.
4. Кочерга, В. В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, посягающим на интересы кредиторов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / В. В. Кочерга. — М., 2011. — 25 с.
5. Бизнес. Толковый словарь экономических терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-15/>. — Дата доступа: 17.11.2016.
6. Отряхин, В. И. Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Отряхин. — М., 2001. — 62 л.
7. Полянский, А. Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования / А. Ю. Полянский // Вестн. Омского ун-та. — 2014. — № 1 (38). — С. 124—127.
8. Ernst & Young [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.ey.com/>. — Date of access: 17.11.2016.

УДК 343.53

Ю. В. Харчейкина

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Минск

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ СИСТЕМЕ»

Введение. Интенсивное развитие информационного общества обусловило появление в УК Республики Беларусь, введенном в действие с 1 января 2001 года, главы 31, закрепившей в семи статьях уголовную ответственность за преступления против информационной безопасности, ранее неизвестные белорусскому законодательству.

В настоящее время указанные преступления хотя и занимают незначительную долю в общей структуре преступности, однако имеют устойчивую тенденцию к ежегодному росту, что ставит перед правоохранительными органами задачу их раскрытия, расследования и правильной правовой оценки.

Изучение уголовных дел свидетельствует о наличии проблемных аспектов, связанных с отсутствием однообразного подхода к квалификации деяний, подпадающих под признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 349—355 УК Республики Беларусь. Одной из причин является использование законодателем бланкетных диспозиций, что в свою очередь влечет отсутствие у органов уголовного преследования единого понимания и определения сущности используемых в уголовном законе узкоспециальных технических терминов и понятий.